

письма: «Аз писах от Омира и от Аристотеля и от Платона, иже во еллинских нырех славе быша».¹⁰

В этом смысле высказывание Даниила Заточника: «Аз бо аще не во Афинех растох, ни у философ учихся»¹¹ — звучит как полемический выпад против сторонников Климента Смолятича.

Составители ранних летописных сводов также не отказываются от реминисценций из античного и славянского язычества. Интересно отметить, что и в летописи античные или славянские языческие отголоски и образы используются не в конкретно-историческом, но в литературно-художественном плане.

Так, в Ипатьевской летописи под 1114 г. помещена довольно большая выдержка из II книги Малалы о Свароге и Дажьбоге. С точки зрения хронологии эта вставка явно не на месте, но ее появление под 1114 г. оправдано с литературно-художественной точки зрения. Выдержка приводится для подтверждения (ссылкой на авторитет греческого хрониста) истинности чудес, о которых составителю свода довелось услышать при посещении города Ладоги. Летописец рассказывает о пушных зверях, падающих с тучи, и добавляет: «Аще ли кто не верит, да почтет фронографа».¹² Затем следует увлекательный рассказ о падении с неба клещей Сварогу-Феосту (Гефесту) и о мудром правлении Сварога и его сына Дажьбога-Солнца.

Использование языческого мифологического материала в произведениях древнерусской письменности в эту эпоху вполне закономерно. И «Слово о полку Игореве» в этом смысле исключения не составляет.

Позднее, с отмиранием язычества и изменением исторической обстановки (монгольское нашествие), языческие образы уходят из русской письменности. Именно этим объясняется переделка цитаты из «Слова» в Апостоле (1307 г.!). Этим же объясняется и тот факт, что в Еллинском летописце II редакции в отрывке о царствовании Феоста (Гефеста) в Египте Феост ни разу не назван Сварогом. О Дажьбоге-Гелиосе вообще не упоминается ни в I, ни во II редакциях Летописца.

А. Н. Попов относил составление Летописца (II редакции) к XV в. Истрин, Шахматов — к XIII в. Того же мнения придерживается и Н. А. Мещерский. Если даже Летописец составлен в XIII в., то имена языческих богов уже закономерно могли в него не попасть, так как в это время побеждает первое направление. Таким образом, текст славянского перевода Хроники Иоанна Малалы не только свидетельствует о существовании второго направления в древнерусской литературе домонгольской поры, но и иллюстрирует судьбу этого направления.

¹⁰ Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892, стр. 104.

¹¹ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 59.

¹² ПСРЛ, т. II, М., 1962, стр. 278.